

Владимир ПЕТРОВ (РОССИЯ)

Родился в 1947 г. в селе Старояшкино Грачёвского района Оренбургской области. В 1965 г. с золотой медалью окончил среднюю школу. В 1970 г. – Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1970 – 1972 гг. служил в Советской армии. С 1972 г. работал на предприятиях Министерства путей сообщения и ОАО «Российские железные дороги» на инженерных и руководящих должностях. Член Союза писателей России с 1997 г. Автор более десяти книг стихов, художественной и документальной прозы. Редактор-составитель многих исторических изданий. Лауреат Всероссийских и региональных литературных премий им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, С.Т. Аксакова, П.И. Рычкова, Валериана Правдухина. Живёт в Оренбурге.

ГРАВИЙ

Настырный зов из приоткрытых дверей избы проник в пристройку, взбудоражил устоявшуюся ночную тишину. Пробудившийся Хмельнов, не отошедший как следует от изрядно выпитого накануне самогона, всё же быстро сообразил что к чему.

– Опять грохнулась, – беззлобно буркнул он, догадавшись о причине бабкиного зова, крикнул ответно: – Сейчас я.

Только в сей же час не получилось у него. Не то чтобы с кровати подняться, шевельнуться даже не мог, словно крепко-накрепко привязанным лежал на правом боку.

– Не понял? – удивился он удерживающей в постели силе, безуспешно дёрнулся резче, до боли во всём теле. – Не сплю, выходит, – встревожился не на шутку, лихорадочно стал припоминать.

Хмельнов отпуск взял в мае, с расчётом параллельно с огородной копкой-посадкой и обновление бабкиного двора продолжить. Вслед за срубленной из осинового стояков пристройкой к избе и сложенной из брёвнистого самана веранды с деревянной банькой внутри решил он мазанку-кладовую взамен сильно покосившейся старой исправить. Материал набирался. Заминка выходила лишь с гравием, нужным и для неотложного усиления выкрашивающегося каменного фундамента избы, в своё время не скреплённого цементным раствором. Требовался зернистый гравий, какового в ту пору ни в местном разваливающемся, как и бабкина мазанка, колхозе, ни в соседних хозяйствах не оказалось. Ехать же за ним на дальний карьер не позволяла Хмельнову скудная зарплата заводского инженера-технолога. Оставалось махнуть в деревню, что рядышком совсем, через каких-то пару ковыльных косогоров да озимое ржаное поле, благо попутная машина подвернулась. Не отказал ему собравшийся как раз в те края на собственной грузовой «газели» Илья Масленцев, безо всяких там хмельновских институтов зашибающий приличные бабки на перевозочной службе у самарских бизнесменов. При всём том

Масленцев умудрялся частенько прикатывать с берегов Волги-матушки к Ильмену, речке своего детства, на выходные, а то и на всю неделю.

Как и обещал вечером по приезде, на следующий же день в полдень подъехал он к Хмельнову, городившему забор, заторопил:

– Поехали. Время – деньги.

С ними увязался их уличный кореш, языкастый Петя Афигенов, известный всей округе как Невыездной. Оправданной была кличка. Действительно, безвыездно жил он в селе, чем гордился и вполне обоснованно упрекал подавшихся в город дружков за разрыв с родиной.

– Будь моя воля, на пушечный выстрел не пушал бы я вас, изменников. Пользы никакой от вас, только других тревожите.

Сегодняшнее отклонение от своего безвыездного принципа он объяснил желанием помочь Хмельнову.

– Строится человек, глядишь, и возвратится домой пенсионным песочком родной дворик посыпать. Не совсем, выходит, пропащий он для села. А как ты на это смотришь? – обратился он к Масленцеву. – Слабо за Мишей пойти. Капиталы проклятые не пускают?

Масленцев не среагировал на подкол, усмехнулся лишь снисходительно и прибавил газу. Промолчал и Хмельнов, не поверивший в трудовые намерения земляка-краснобая. «Скорее, от скуки собрался, – подумалось ему, – чтобы один из двух выходных дней скоротать да вечером у выгруженного во дворе гравия на гусиной травке за пивком с воблой посидеть».

Вскорости Афигенов сам подтвердил эту догадку. Отнюдь не вдохновлённый предстоящей скорой работой, о чём напоминали грохочущие на ухабах лопаты и вёдра в кузове, он повернулся к Хмельнову:

– Технику бы сообразить. Два-три ковша черпнём и шабаш! Спин не ломаем и время сэкономим.

– Дело говорит, – поддержал его Масленцев, тоже не любитель повкалывать. – Есть кому пособить?

– Через дядю Игната попробую.

– К нему и завезу. Потолкуешь с ним о технике, а мы тем временем с Петушком к родне моей сгоняем на часок. О рыбалке на субботу договарюсь. В самый раз будет к приезду жены с ребятишками на новой «десятке», только что купленной...

– Во-во! Я и говорю, нечего вас, капиталистов, в село пущать, – не дал тому дохвастать, своё лыко в строку ввернул Афигенов. – Жируете, машинами обзаводитесь и нашу рыбку норовите выловить.

Масленцев не ответил. Оставшуюся дорогу проехали молча, каждый думая о своём.

Дядя Игнат встретил племянника с распростёртыми объятиями, прослезился даже на радостях:

– Глазам не верю! Наконец-то! Грешным делом, думал, забыл дядьку.

– Виноват. Никак не получается погостить. То одно, то другое. Вот и сейчас мимоходом.

– Как так? В кои веки заглянул – и нате: здрасьте – до свидания!

– За гравием я.

– Подождёт твой гравий.

– Машина не может ждать. На попутной, можно сказать, приехал. Втроём не скоро накидаем. Если бы трактор с ковшом... Как, дядя?

– Сделаем, – не задумался даже дядя Игнат, словно загодя готовился к ответу. – Перекусим вот и до Пашки-экскаваторщика дойдём. Зови-ка своих дружков.

– Отъехали они. Час мне на поиски трактора дали.

– Целый час? Отлично! Не будем время терять. Давай проходи к столу, присаживайся. Встречу нашу желанную, долгожданную отметим.

– Не лучше ли с трактора начать, – остановил Михаил захлопотавшего дядю. – Вдруг тракториста искать придётся?

– Никуда Пашка не денется. Возле дома он свой «Беларусь» держит. На соседней улице, рукой подать. И спроса на него сейчас нет. Точно знаю.

– Коли так, можно и перекусить по быстренькому, – сдался Михаил. – Чем помочь?

– Вот это по-нашему, по-хмельновски, – дядя Игнат выложил на стол домашнюю колбасу, копчёное сало, хлеб, вооружил племянника ножом. – Нарезай, а я в огород за зеленью сгоняю.

Через считанные минуты они уже приступили к трапезе.

– Не многовато ли? – Михаил опасливо покосился на полторалитровую пластмассовую бутылку, отнюдь не с «Живой водой», как гласила этикетка.

– С такой закуской в самый раз, – дядя Игнат аккуратно наполнил гранёные стаканы мутноватой жидкостью, поднял свой для чоканья: – За встречу!

Непривычный к такой порции младший Хмельнов вслед за старшим одолел-таки налитое, заморщился:

– Крепка, зараза! Первак?

– Горит! – дядя придвинул ближе к племяннику чашку с кислым молоком. – Хлебни-ка. Помогает. На сало жми. Копчёным жирком желудок смажешь, никакие градусы не сладят.

– За неделю, как приехал, охотку на сало сбил. А вот от домашнего деликатеса собственного приготовления не откажусь, – похрумав сочной редиской, гость потянулся к вкусно пахнущей, крупно нарезанной домашней колбасе.

– Тоже годится, – поддержал его хозяин. – Пусть не ахти хороша видом, зато питательна, скажу тебе.

Сам же он предпочитал тающее во рту сало и зелёный лук.

Выпили по второй. Языки развязали. Было им о чём говорить, давненько не виделись. При этом дядя Игнат не забывал свои хозяйские обязанности: закуску добавлял, самогон наливал.

– Не до гравия будет, – гость слабо пытался остановить каждый новый налив, чем лишь раззадорил хозяина.

– Обижаешь, Миша, нашу фамилию. Как зараза к заразе не пристанет, так и хмель Хмельновых не возьмёт.

– Трактористу бы оставить.

– И для него найдём...

Паши-экскаваторщика дома не оказалось, как и «Беларуса» с ковшом.

– К мастерским покатил, – подсказала им не по-деревенски нарядно одетая в будний день приятная молодая женщина.

– Спасибо, соседка. Дай Бог тебе здоровья и жениха богатого.

В колхозных мастерских и нашли тракториста у трактора со снятым двигателем.

– Когда успел? – удивился старший Хмельнов. – Только ведь у дома стоял.

– Канава освободилась. Вот и решил загнать «Беларуську», снизу картер посмотреть. Похоже, потёк. Заодно решил и в дизеле вал и поршневые кольца сменить, – трезвый Пашка-экскаваторщик оказался куда говорливее подвыпившего друга. – А что за срочность?

– Племяшу подсобить хотел, гравия с речки черпнуть.

– Неувязка вышла. Стукни ты в окошко, когда проходил мимо, тормознулся бы с ремонтом. Не к спеху мне было это дело затевать.

– Знать бы. Надолго заехал?

– С неделю повоюю, раскидался коли. Хотя, если невтерпёж тебе, поднажму, дня через три выкачусь.

– Постарайся уж. За мной, сам знаешь, не заржавеет.

Переговорив с трактористом, старший Хмельнов приобнял младшего, огорчённого неудачей:

– Осечка вышла, племяш. Бывает. Двинем-ка ко двору, поллитровку Пашке предназначенную оприходуем.

– Куда ещё нам. Отдал бы ему.

– Не в наших интересах. Заводной Паша мужик, заправится малость, заведётся, не скоро заглушишь.

– Может, их подлечим? – Михаил кивнул на молодых механизаторов, явно с похмелья, с одной дымящейся папироской на двоих мающихся у раскрытых ворот мастерских. – Размяться с гравием предложим.

– Бесполезно.

– На водку и курево деньжонок им подкину. Лишь бы согласились.

– Попробовали бы не согласиться! – выказал свой местный авторитет дядя Игнат. – Только не наскрести вручную гравия. При нынешнем безденежье народ на дармовое кинулся. Не успевает речка камешки намывать. Так что на привычном берегу возле моста песок гольный. Другое же галечное место очистки требует от нанесённого половодьем всякого хлама. Без ковша, Миш, никак не обойтись. Да ты, Миш, не горюй. Будет тебе гравий через три дня. Терпится?

– Куда денешься. Подождём. Хотя времени в обрез. Да и с машинами, сам знаешь, не просто сейчас.

– Сказал же, будет тебе гравий через три дня. Организую всё и сам привезу. Заодно и с тёткой увижусь.

– Хорошо бы.

– Так и будет, племянш. Не переживай. А теперь – шире шаг. Твои дружки, поди, подоспели.

Раньше гостей Хмельновы вернулись. Дружки заявили с приличным опозданием, обрадовались гравийному отбою. Однако Афигонов даже в пьяном состоянии не изменил своей язвительной привычке:

– Так и знал, что напрасно протрясёмся. Не увяжись с вами, успел бы полезное дома сделать. И чего понесло?

– День длинный, успеешь ещё наработаться, – остановил его Михаил, повернулся к дяде. – Поедем, пожалуй.

– А зря! – не хотел отпускать тот племянника. – По родне бы прошлись, на речку сходили с удочками.

– Воз-ражений нет. Только бабка, сам знаешь, одна там, – Михаил начал, как и Афигонов, заплетаться языком. – Д-домой надо.

– Что ж, домой так домой, – не стал настаивать на своём дядя Игнат, в отличие от племянника довольно крепко стоящий на ногах, словно и не принял почти литровую дозу самогона. Он вынес недопитую поллитровку, стаканы, разлил на троих:

– Давайте на посошок.

– Я п-пас, – Михаил передал стакан Масленцеву и направился к «газели». – С в-вашего позволения пок-кемарю.

Масленцев с ухмылкой проследил за Михаилом, с трудом влезшим в кабину, залпом опустошил налитое.

– Ого! – от масленцевской лихости Афигонов чуть не поперхнулся первым глотком, заикаться даже перестал. – Смотри-ка, гусь какой. У своих ломался, за рулём, мол, меня всё накачивал. А тут, глянь, без уговоров за Мишу махнул. Может, и меня уважишь?

Масленцев уважил.

– Не повредит? – дядя Игнат недвусмысленно кивнул на «газель».

– Старой, приречной дорогой поедем. Дорулим потихоньку.

– Смотрите. А то перекурите у меня до вечера. Всё надёжнее.

– Спасибо. Если что, в дороге перекурим.

Отяжелевший от выпитого, Михаил недолго ёрзал на тугом, не продавленном ещё сиденье, задремал до того, как рядом плюхнулся Афигенов, тоже быстро заклевавший носом. Не слышал Михаил, как медленно тронулась «газель», всё сильнее и сильнее ускоряясь по воле хозяина, который вдруг при выезде из деревни вспомнил о дне рождения шурика и, не свернув на нужную просёлочную дорогу с грейдерного шоссе, быстро погнался по нему, гравийному, свою машину в райцентр...

Михаил очнулся от надрывного взрёва двигателя, когда при резком торможении «газели» его, ничего не соображающего, кинуло правым боком на переднюю панель и тотчас же отшвырнуло на заднюю стенку кабины. Следом же, теперь уже левой стороной груди и лбом, его со всего размаху хрястнуло вновь о переднюю панель. Машину накренило, и он, вслед за Афигеновым, вывалился из кабины, катнулся по крутому склону.

– Что случилось? – привстал он в одышке, огляделся, вновь притянулся к земле.

– Нырнули... Не видишь разве? – закашлялся, схватился за правый бок Афигенов. – У, чёрт! Вдарило-то как!

Михаил боли как таковой не чувствовал, хотя должен был её ощутить после своего космического полёта в кабине с чувствительными ударами. Видно, сказывалось наркотное обезболивающее воздействие крепкого самогона. Воздуха лишь не хватало ему. Хотелось без движения лежать на прогретой солнцем земле. Всё же он заставил себя приподняться и сесть рядом с охающим всё ещё Афигеновым.

Масленцев сутился возле «газели», уткнувшейся носом в железный заградительный двутавр на откосе высокого насыпного грейдера.

– Чудом уцелели! – оценил Михаил обстановку.

Его, заметно протрезвевшего после случившегося стресса, пробила запоздалая дрожь. Кажется, и задышалось легче. Теперь даже замутнённым самогонным хмелем разумом как-то по-иному, обострённое воспринималось им набирающее жаркую силу солнце и майской сочности зелень степных трав.

Забылся Михаил от всего этого. Не заметил, как Масленцев, осмотрев машину, задним ходом выкатил её на дорогу, как споро, словно и не охал только что, метнулся вверх по склону Афигенов. Не услышал он и масленцевского:

– Поднимайся, садись скорее.

Очнулся лишь от последовавшего следом:

– Оглох, что ли? Садись скорее!...

– Миша! Мишуня! – реальный бабкин зов, совпавший со всплывшим в памяти масленцевским окриком, прервал мысли Хмельнова о вчерашнем, к действительности вернул его, заставил с правого бока перевернуться на спину. С трудом, чуть ли не на грани потери сознания далась ему эта перевалка. Острая боль мгновенно растеклась по всему телу, в левом боку, у сердца, сгустилась.

В ночной устоявшейся тишине звякнули колечки гардины оконной занавески от протиснувшейся в раскрытую форточку большой кошки. Мягко пройдясь по паласу, она приблизилась к Мишиному лицу, мокро ткнулась симпатичной мордашкой в его пересохшие губы. Затем, чуточку потоптавшись на груди, улеглась на самое больное место у левого предплечья, успокаивающе замурлыкала.

– На подмогу явилась, Василисочка? – узнал её, обрадовался ей Михаил, ещё в городе, при почечных коликах, испытывший лечебную способность кошки. – Не зря тебя к бабке привёз, красатулечка. Спасибо тебе.

Правой, не ушибленной рукой он гладил мохнатую шёрстку, всё чувствительнее ощущал приятное тепло, исходящее от Василиски.

– Миша! Ми-иш!

Кошка мгновенно прервала мурлыканье. Приподнялась, застыла, словно в раздумье. Дождавшись нового бабкиного зова бросилась к ней в приоткрытую дверь. «Скорая помощь! – по достоинству оценил Михаил поступок кошки. – Похоже, на сей момент она бабке нужнее».

Он стал ощупывать своё одревеневшее тело настолько, насколько позволяла здоровая рука. Другая не слушалась, плетью висела. Малейшее шевеление ею отзывалось резкой болью в предплечье.

– Крепко вдарило, но без переломов, кажется, обошлось, – успокаивал он себя. – Нечего киснуть. Попробуем встать.

Уцепившись действующей рукой за спинку кровати, упираясь ногами в скомканное одеяло, он стал подтягиваться с намерением сесть. Не вышло. Одной руки явно не хватало, да и ноги, при расслабленной кроватной сетке, не способствовали подтяжке.

– Врёшь – не возьмёшь, прорвёмся! – выкрикнул он своё любимое с детских лет, мобилизующее в трудные минуты чапаевское изречение. – Всё равно встану. Придумаю что-нибудь.

Придумал-таки. Опустив ноги на пол, несколькими подвижками туловища он добрался до края кровати. Дав уgomониться боли, сползая с неё, упал. С передышками, в согласованном, продуманном действии правой руки и ног, умудрился продвинуться на спине до упора в стену.

Стиснув зубы, сменил надоевшее горизонтальное положение на сидячее.

– Молодчина! – похвалил себя. – Считаю, способ вставания найден.

Упёршись ногами об пол, здоровую рукою – в уголок кровати, он вдохнул побольше воздуха и резко поднялся.

– Миша! Ми-ша-ня!

– Иду! – откликнулся он. Держась за стенку, сделал несколько пробных шагов. Остановился. Ещё раз ощупал болевые места правой рукой, по всему, нисколько не пострадавшей. Тревожила повисшая плетью другая, но пальцы сжимались в кулак и кисть послушно работала, что обнадеживало. – Ничего страшного, значит. Разработается!

Это придало ему силы, позволило без передыха дойти до бабки. Как и предполагал он, бабка недвижно лежала на полу. При опрокидывании навзничь, она подмяла под себя здоровую левую руку. Одновременно с этим умудрилась с вывертом сцепиться ногами, без того мало послушными после случившегося с ней правостороннего паралича, в последнее время усилившего свою цепкость.

– Надо же так завалиться! – присвистнул Михаил, опустил на корточки, стал осторожно высвобождать больную из нелепого, непредвиденно случившегося плена. – Как вышло-то?

– По нужде встала. Оголилась на стуле, холод почувствовала от форточки. Дверь хотела закрыть, чтобы не сквозило, да запуталась в своих причиндалах и рухнула сном.

– Представляю.

– Чуть голову не разбила. Палас толстый выручил.

– Осторожнее будь. Зови чаще.

– Не дозовёшься, когда надо. Охрипла, тебя звавши. Оглох ровно.

– Уснул крепко, – соврал Михаил.

– Пить меньше надо.

Михаил молча проглотил пилюлю: права бабка – не возразишь, явно перебарщивать стал с питьём. Здоровой рукой он развернул её, подтянул к кровати, подсобляя себе коленками, усадил на привычное место.

– Порядок! – выдохнул он удовлетворённо, кивнул на стул-туалет, с крышкой от унитаза вместо сиденья и ведром внутри. – Есть желание? Подмогнуть?

– Сама теперь управлюсь. Спасибо, Миша. И тебе, Василиска, спасибо. За то, что прибежала, рядом всё время была.

Михаил закрыл форточку, поправил свалившуюся бабкину постель:

– Пойду додрёмывать.

– Иди, иди. Кипячёной водички мне только налей и отдыхай.

Михаил выполнил просьбу, погладил вновь с мурлыканьем примостившуюся у ног хозяйки кошку и вернулся в пристройку.

Только-только утвердившаяся в своей недолгой темени и чуткой тишине последняя майская ночь склоняла ко сну, но, напуганный не на шутку недавним мучительным вставанием, Михаил всё же лечь не рискнул, поудобнее лишь устроился на кровати, привалившись к стене на кинутые под спину пухлые пуховые подушки. Он закрыл глаза, отключился словно, и через минуту-другую опять перенёсся мысленно на гравийную дорогу, к масленцевскому окрику...

– Иду, иду, – Михаил тяжело одолел подъём, с трудом взобрался в кабину. – Как вышло-то?

Масленцев лишь матюкнулся в ответ, рывком кинул задребезжавшую машину вперёд. На удивление смолчал на этот раз и говорливый Афигенов.

– Меньше пить надо! – выругал себя Михаил. – До беспамятства наклюкался.

Он, вглядываясь в незнакомый привлекательный пейзаж, рисовавшийся вдоль дороги, спросил:

– Где это мы?

– Под подолом кумы! – зло бросил Масленцев. – Устраивает?

– Вполне. И куда же дальше?

– Туда же и чаще! Ещё будут вопросы?

– У барбосов нет вопросов, потому что говорить не могут, – вовремя вклинился Афигенов, погасил искорки готовой уже вспыхнуть недоброй перебранки. – Хорошо, что живы, едем – того лучше!

Довольно долго молчали.

– Куда же всё-таки рулим? – первым не выдержал Михаил. Афигенов и на сей раз успел опередить рулевого:

– Закудахтал как бройлер недобитый: где-куда, где-куда? В родном краю не ориентируешься, смотрю. В райцентр въезжаем. Не видишь разве?

Действительно, за поворотом показались знакомые Михаилу строения из белого кирпича. Здесь, в районной больнице, он свой прошлый отпуск на две недели продлил, почечный песочек выгонял.

– Дыхалку бы проверить, – вслух подумалось ему, встревоженному не отпускающей одышкой.

– Заодно рёбрышки выправить, – подхватил Афигенов.

– Сейчас последние доломаю и дыхалки обоим порву! – заматерился Масленцев, прибавил газу. – Подставить хотите?

– Не мешало бы, – ответно взорвался Михаил. – Дорулился! Руки бы за такое руление поотрывать!

– Ишь как раскипятились, даже радиатор запарил, – и на этот раз вовремя и удачно вмешался Афигенов. – Стопорнѐм давай, Илюша, у колонки водички дольѐм.

– Никаких остановок! Без долива дотянем. Всего ничего до шурыка осталось. На гаишников бы не нарваться.

Контролируемый автоинспекцией участок дороги удачно проскочили, но до места всё же не дотянули. Из-за сильного парения радиатора вынуждены были остановиться у овражка с водой.

– Сгоняй быстренько, – скомандовал Масленцев Михаилу, сидевшему крайним, ведѐрko пластмассовое кинул ему.

Михаил сбежал вниз, зачерпнул воды, но донести не смог. Одышка остановила на полпути.

– Да телись же скорее! – закричал Масленцев, не выдержал, бросился к нему, сам донѐс ведро с остатками расплескавшейся воды, рискуя ошпариться, залил в горловину радиатора, спешно сел за руль. – Поехали!

– А Миша? – Афигенов еле успел вскочить в кабину рванувшейся с места «газели».

– Не до него! Скорее бы к шурыку во двор нырнуть. От греха подальше!

– Негоже оставлять одного. Неладное с ним. Вишь, как скрутило?

– Не помрѐт за полчаса. Племянницу за ним пришло. Рядом тут.

Михаил не обратил внимания на отъезжающую машину. Сильная одышка вместе с хмелем, вновь забродившим в нём, подкосили ноги, повалили наземь.

– Врѐшь – не возьмѐшь, прорвѐмся! – с присущей ему настырностью пытался он подняться, но воспрепятствовать силе земного притяжения не смог, улѐгся удобнее на не скошенной ещё траве.

Неизвестно, сколько бы держала его эта сила, если б не девчончье торможение:

– Вставайте, дядя Миша, вставайте.

Он открыл глаза, с удивлением глянул на незнакомую девчуху.

– Кто ты? – спросил с любопытством.

– Дядя Илюша прислал. Вставайте, вставайте же! – не давала она опаматоваться ему, подняла. – Сможете идти? Или за папой с машиной вернуться?

– Далеко идти?

– Да нет. С километр какой-то.

– С тобой готов на все сто, – по-мужски оценил он её зреющую девичью стать. – Вперѐд!

Первым в ухоженном огороженном дворике, куда довела его настырная девчонка, не позволившая ни разу передохнуть по дороге,

Михаила встретил Афигенов, примостившийся на широкой скамье под окнами недавно построенного дома.

– Опохмелишься? – показал он на банку с квасом.

– Плесни, – Михаил тяжело опустился рядом с Афигеновым, жадно стал пить.

– Машину разбил, – услышал он в раскрытое окно масленцевский голос. – Как, как? Раскодировался...

К ним подошёл масленцевский шурак:

– Есть предложение – на боковую. Оклематься малость, отмыться – и в больницу, на проверочку.

– Какая больница? – хохотнул Афигенов. – Шутишь, Санёк?

– Не до шуток. Крепко ударились, аж болты крепёжные на раме во многих местах посрежало. Как только не рассыпались по дороге, дотянуть до нас смогли! Да и вам, гляжу, досталось. Илюша вон руль согнул. Миша – переднюю панель разбил, лоб расквасил. У тебя, Петь, правая рука виснет всё.

– Подумаешь, – не сдавался Афигенов. – С лошади не раз сильнее падал. А тут-то... Семечки! Давай, Санёк, заводи свой жигуль и до дому нас.

– Если можно, довези уж, – поддержал Афигенова Михаил. – В больницу ещё успеется.

– Вам виднее. Отвезу сейчас. Илья здесь останется. За ним жена придет, дозвонились до неё только что. О случившемся – ни слова. Дурная слава никому не нужна. Чего доброго, до гаишников дойдёт. Хлопот тогда не оберёшься. Словом, подходящее что-нибудь придумайте. Скажем, подрались по пьяной лавочке.

– Пойдёт.

– Разумно.

В целях конспирации шурак Масленцева до места не доехал, только до асфальтового поворота их довёз. Пришлось пройтись, время потратить. Так что к вечеру лишь заявился Михаил домой. Разволновавшейся его долгой отлучкой бабке и родственнице, пришедшей сделать ей очередной укол из назначенного курса лечения, причиной своей подпорченной фотографии назвал он, как и договаривались, случайную пьяную стычку.

Накормив бабку наскоро сготовленной яичницей, он собрал разбросанный у ремонтируемой ограды инструмент, полил из шланга нагревшейся в баке водой редиску и капусту. На огурцы и помидоры не хватило сил. Опять тяжело задышалось, поватнели ноги. «Без паники, Миша, – успокаивал он себя, то и дело вытирая со лба выступающий пот. – Сейчас примем стопочку, перекусим и всё нормализуется». К надёрганной редиске и зелёному луку он добавил привезённые из города паштет и сыр. Приготовленным салатом поделился с бабкой. Не

забыл покормить и Василиску. На всякий случай набросив на дверь запорный крючок, распечатал поллитровку «Русской». По-русски трижды принял водку, прилёг передохнуть и крепко заснул...

Вспомнил Михаил об этой трапезе своей одиночной, к неубранному столу подошёл.

– Всё сходится, – порадовался он за свою память. Хотел по этому случаю допить оставшуюся водку, но передумал. – Попил и будет! Баньку лучше истоплю, косточки пропарю.

Переломная ночь, оттемнив последнее, данное ей маем время, считала свои первые июньские часы. На тёмном фоне стен комнаты прорисовывались просветлевшие проёмы окон. Через открытую форточку пробился пробный кукарек соседского петуха, без поддержки других коллег-собратьев не повторившийся, но известивший о грядущем уже утре. Заметно посветлело, и Михаил не стал откладывать задуманное. Он доковылял до бани, благо рядом она, под одной крышей с верандой. Работа предстояла немалая, с учётом же его состояния – просто героическая. Как назло, ни в печке, ни около не оказалось дров. Пришлось дважды сходить за ними в сарай. В бачке не оказалось воды. В довершение из-за слабого давления в водопроводе, при наличии колонки во дворе, пришлось воду брать из недалёкой уличной, более глубокой. Намаялся Михаил, наломался, боль перетерпел. Только поставленная цель и природная настырность позволили ему довести дело до конца. Причём сумел он, как и хотел, приготовить баню до стада, не дав повода пробудившимся хозяйкам почесать языки по раннему банному дыму. Набежали бы ещё любопытные поинтересоваться – не горит ли что случаем у бабки?

Не изменил себе Михаил. Как всегда, перед баней прибрался в комнате, чаю приготовил для бабки, передохнул малость.

Славно протопилась баня. Добротный жар настоялся – сухой, без добавки пара тело маслящий. Не спешил теперь Михаил. Берёзовый, собственной вязки веник, заранее в кипятке замоченный, на каменку положил жаром прогреть. Пропотел как следует, водичку с кваском на жаркие голыши плеснул. Дал первому пару растечься в пространстве, деревом со всех сторон обшитом, ещё водички плеснул. Сидя на скамейке, опробовал пропаренный веник. В третий раз парку поддал, на полок взобрался, растянулся, веником в здоровой руке прошёлся по ногам, животу, плечам. Ещё раз прошёлся, лицо укрыл веником, не утратившим берёзового вкуса, затих в приятной банной истоме.

Полежал, набираясь сил, сел, по спине длинноветочным веником захлестал. С полка слез, обдался холодной водой, в предбанник вышел. Ещё дважды повторился. При третьем заходе в баньку послушность левой, неподчиняющейся руки ощутил, даже веником ею малость помахал.

– Врёшь – не возьмёшь, прорвёмся! – выдал он свою любимую поговорку. – Спасибо тебе, банька, за пар и целительный дар!

Не одеваясь, пошатываясь от приятной усталости, Михаил добрался до своей желанной койки в пристройке, не чувствуя боли, разместился на ней поудобнее и заснул покойным, почти младенческим сном.

Его разбудил настойчивый стук. В окно стучали. Он было хотел вскочить, но не получилось. Пришлось вновь применить опробованный ночью метод вставания. Встал, с трудом влез в спортивные брюки, пошёл открывать дверь.

– Здоров, однако, дрыхнуть! Еле подняла, – родственница, явившаяся с утренним уколом, по-родственному не выбирала выражений. – Опять керосинил, что ли? Смотри, сикать скоро им начнёшь.

– Не начну. Завязываю.

– Пора бы. С племянника своего бери пример. Четвёртый год не пьёт: сказал – как отрезал!

– Молодец! Кстати, скажи ему, пусть заскочит ко мне.

Племянник не заставил долго ждать.

– Живой? В рубашке, знать, родился, – с ходу ошарашил он Михаила своей осведомлённостью. – Потереться бок о бок с КамАЗом, поцеловаться с железной опорой и не разбиться – не каждому дано.

– Повезло, – согласился с ним Михаил, мысленно обругал Афигенова за болтливость.

Племянник подтвердил его догадливость:

– Наш Невыездной всю ночь метался, говорят, от боли стонал, КамАЗ этот материл с Ильёй в придачу. В больницу с утра пораньше подался. А как ты, дядя?

– Не мешало бы и мне туда. Повезёшь?

– Собирайся. Вещи необходимые на всякий случай прихвати. К открытию надо успеть, пока больной народ со всего района не съехался.

Вовремя они подъехали. Но в регистратуре из-за отсутствия медицинского полиса Михаилу отказали в направлении к хирургу, в бухгалтерию оплатить услуги отослали.

– Так вам и надо, городским, – откровенно издевался над Михаилом только что на попутной добравшийся Афигенов, тем не менее умудрившийся влезть в голову очереди. – Сидели бы у себя в городе, пользы больше было бы. А то толкаетесь тут, мешаете только.

На «хождение по мукам», как по-толстовски выразился Михаил, от регистратуры до бухгалтерии и обратно, от регистратуры к врачу, от врача в рентгенкабинет и обратно, с непременным ожиданием в очередях, потребовалось около двух часов. Хуже того, внимательно

изучив снимки, хирург перечеркнул все теплившиеся надежды Михаила на благополучный исход.

– Будем класть, – сказал он тоном, не терпящим возражения. – Удивляюсь...

– Нежелательно бы, – перебил его Михаил, затараторил: – В областную больницу лучше направьте. По месту жительства, так сказать. Транспорт при мне. Недалеко же. Всего-то двести километров.

– Удивляюсь, как ещё ходите? – невозмутимо продолжил хирург. – Как дышите, при таком сильном вдавливании грудной клетки? К тому же переломы многих рёбер, лопатки... Похоже, и ключицы. Чёткости по ней нет на снимке. Перенять придётся. Судя по гематоме левой лобной части, у вас серьёзнейшая травма головы, угрожающая, как правило, главному нерву... Целый букет травм, образно говоря, на троих хватило бы. А вы о сотнях километрах говорите, когда и тряских десяти вполне достаточно ваше дыхание остановить...

Михаила определили в специальную палату рядом с реанимационной. Туда же, из-за отсутствия свободных мест, попал и Афигенов со своими двумя поломанными рёбрами.

– Досталось же тебе, – узнав о его букете травм, посочувствовал он Михаилу и тотчас на своего язвительного конька сел. – Не случайно досталось. Не приспособлены вы, городские, к нашим деревенским условиям. Захирели за бумагами. Нечего было в кабине ши лаптем хлебать. Я вот за ручку дверцы уцепился, ногами упёрся в панель – и, как видишь, малость совсем пострадал.

– Ты же в драчке пострадал, – напомнил о договорённости Михаил. – А о какой-то автокатастрофе на всю палату треплешься.

– Ничуть не треплюсь. С крыши сарая свалился, – с ходу поправился Афигенов. – Так и доктору доложил. Зазря, Миша, на меня бочку катишь!

– Кто же, если не ты? Полсела уже в курсе.

– Сам натрепал, наверное. Вы же временные здесь, чистюли городские. Приедете, понатворите всякого – и привет с кисточкой. А нам вами заваренную кашу приходится расхлёбывать.

– Ну и гусь же ты! Да за такое знаешь, что полагается?

– Не пугай пуганых...

Их перепалку прекратила вошедшая медсестра:

– Хмельнов есть?

– Здесь я, – попытался привстать Михаил.

– Лежите, лежите, – она присела к нему на койку. – Наше знакомство с укольчиков начнём. Хотя... мы, кажется, уже виделись с вами на днях.

– Не припоминаю.

– А разве не вы с дядей Игнатом тракториста Пашу искали?

- Было. За гравием я приезжал. Вы-то как там оказались?
 - С вашим дядей, представьте, рядом живу. Как угораздило-то?
 - Долго рассказывать. Как-нибудь в другой раз. Времени, по всей видимости, у нас предостаточно будет.
 - Да, полечиться вам придётся основательно.
- Она сделала два укола, сходила за капельницей, подключила, как бы между прочим сообщила:
- Домой сегодня поеду. Что передать дяде Игнату?
 - Не говорите, что я здесь, – попросил он. – До поры до времени нечего зря расстраивать. А привет передайте. Виделись, мол, на автовокзале. Пусть не спешит с гравием, скажите. Переменились, мол, планы. В этом году гравий уж точно не понадобится.